

СЛЕДСТВИЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ КОНЧИЛОСЬ

Почему приостановлено дело об убийстве активиста «Другой России» Юрия Червочкина.

«Убийцы Юры» — эта надпись появилась на зданиях, принадлежащих правоохранительным органам Московской области 22 ноября 2007 года в Серпухове, накануне предвыборного Марша несогласных, был жестоко избит Юрий Червочкин — член «Другой России» и бывший руководитель серпуховских нацболов. Судя по нанесенным травмам, нападавших было несколько и били они вовсе не кулаками. Юру госпитализировали в местную больницу с диагнозом «открытая черепно-мозговая травма, перелом запястья, многочисленные ушибы». Спустя несколько дней он впал в кому, был переведен в НИИ нейрохирургии им. Бурденко, где и скончался, не приходя в сознание.

Мама и активисты «Другой России» уверены, что смерть Юры связана с его политической деятельностью. Ему, его девушке и друзьям несколько раз угрожали сотрудники правоохранительных органов, в отношении Юрия заводили уголовные дела, его приглашали «на собеседование» в подмосковный УБОП, часто задерживали под разными предлогами и пытались взять «подписку» об отказе участвовать в Марше несогласных.

Последний раз Червочкина задержали в день убийства, несколько часов он и его друзья провели в отделении милиции. Разговоры были все о том же: настоятельно рекомендовали прекратить «экстремистскую» деятельность. «Никаких обвинений, даже в административных правонарушениях, нам не предъявляли, — рассказывает один из задержанных в тот день. — Поговорили, а потом отвезли на другой конец города и там высадили, сказав: «Прогуляйтесь и подумайте».

За тридцать минут до нападения Червочкин позвонил в редакцию сетевого издания sobkor.ru и рассказал о слежке: кто-то шел за ним от того места, где его с друзьями оставили сотрудники милиции. До интернет-кафе, откуда Юрий хотел отправить подробности произошедшего, он так и не дошел — был обнаружен прохожими в луже крови.

Мама Юрия долгое время не могла получить разрешение от прокуратуры на погребение — ссылались на то, что идет следствие. Дело действительно было возбуждено, но двигалось как-то не очень: свидетелей фактически не допрашивали и особых следственных действий не производили. Мало того, оказалось, что само преступление каким-то необъяснимым образом не попало в сводку происшествий.

«Новая» пыталась выяснить причину этой странности, а также понять: кто и на каком основании задерживал Юрия 22 ноября? Из ГУВД Московской области неизменно отвечали, что все это — тайна следствия. Хотя какая может быть тайна следствия, если интересовались мы не обстоятельствами самого нападения, не допросами свидетелей, не результатами экспертиз, а подробностями событий, произошедших до преступления и касающихся лишь добросовестности исполнения сотрудниками милиции своих должностных обязанностей? Внятного ответа не получили, и потому можем лишь предположить: тайну следствия все эти сведения представляют только в том случае, если задержание Червочкина и его смерть все-таки как-то взаимосвязаны.

А на похоронах Юры милиция устроила мерзость. Автобусы с провожающими в последний путь были несколько раз остановлены на выезде из Москвы. Пассажиров, одетых в траур,

просили предъявить документы, чьи-то уносили на пост ГИБДД — «пробивать». Капитан милиции, опер-уполномоченный УБОПа ГУВД Московской области Кирилл Гричанин лично переписывал данные паспортов. Аргументировали все эти действия тем, что в этот день по области проводилась некая милицейская операция под кодовым названием «Автобус».

Но никакой операции «Автобус» в тот день на самом деле не было, о чем сообщил «Новой» замначальника управления ГИБДД по Московской области: «...13 декабря 2007 года... на территории Московской области операция «Автобус» не проводилась. Работа по профилактике аварийности на пассажирском транспорте в указанный период проводилась в плановом режиме».

Мы понимаем, что главными действующими лицами в этой истории были вовсе не сотрудники ГИБДД, они, что называется, — не в курсе, чем и объясняются разночтения в ответах на идентичные запросы редакции, присланные нам из разных структурных подразделений ГУВД. Управление общественных связей ГУВД Московской области ответило нам так: «...операция под названием «Автобус» не проводилась». Но: «В соответствии с указанием руководства ГУВД по Московской области в указанный день осуществлялся плановый комплекс профилактических мероприятий... В данных мероприятиях были задействованы все службы ГУВД в рамках своих полномочий, усилена работа специальных постов ГИБДД... в том числе первого специализированного поста ДПС 8-го спецбатальона 2-го спецполка ДПС «Южный».

Судя по всему, это усиление было столь секретным, что замначальника управления ГИБДД по Московской области, приславший свой ответ в редакцию, в известность поставлен не был. Очевидно, именно режим секретности этих «плановых» мероприятий диктовал необходимость работы «под прикрытием» оперативников, проверявших документы у пассажиров похоронных автобусов. Тот же капитан Гричанин многим, направлявшимся на похороны Червочкина, был ранее знаком под другой фамилией: Туткин Сергей Владимирович, опер-уполномоченный УБОПа. Среди оперативников, собравшихся на посту ДПС, можно было заметить и других сотрудников подмосковного УБОПа, «работавших по экстремизму» и знакомых активистам «Другой России». Много оперов было и на кладбище: в нарушение всех этических норм на похоронах велась открытая фото- и видеосъемка.

После Юриной смерти дело из милиции передали в следственное управление Московской областной прокуратуры. Вот как было, так и передали — статья 111.4: «нанесение телесных повреждений повлекших, по неосторожности, смерть Червочкина Ю.». Товарищи Юры надеялись, что следователь Олег Викторович Целепоткин, который принялся активно допрашивать свидетелей и делал это даже ранним утром, ссылаясь на «большой общественный резонанс», в итоге правильно назовет произошедшее — согласно статье 105.2 Уголовного кодекса: убийство с особой жестокостью, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Следователь заявлял, в том числе и корреспондентам «Новой», что дело это не оставит, что оно будет трудным и ему придется привлекать к работе Управление собственной безопасности ГУВД Московской области, что в этом расследовании придется рассчитывать только на себя и никому не доверять. Допрашивал Олег Целепоткин и корреспондента «Новой», которому неоднократно угрожали по телефону в связи с публикациями об убийстве Юры Червочкина — требовали «заткнуться». Факт угроз и телефоны звонивших были запротоколированы в деле.

Только дело кончилось. В пресс-службе следственного управления прокуратуры по Московской области сообщили, что расследование приостановлено, «поскольку не установлен круг лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых». Ну не нашли злоумышленников — ничего страшного: не убийцы уже они в самом деле. Действительно, не убийцы: как выяснилось, статья так и не была переквалифицирована. И получилось, что Юру Червочкина, 22 лет, никто не убивал — так, ударили случайно, по неосторожности, а он взял и умер.

Мама Юры, Надежда Геннадьевна, узнала об этом от журналистов «Новой газеты» — никто ей, официально признанной потерпевшей, ничего не сообщал. А следователь Целепоткин, когда мы обратились к нему за комментариями, крепко обругал всю российскую прессу вообще и нашу газету в частности.

P.S. Надежда Геннадьевна собирается обжаловать решение о приостановке уголовного дела в Генеральной прокуратуре.

А невеста убитого Юрия Червочкина, Анна Плосконосова, эмигрировала в Украину и получила статус политического беженца, это был ее единственный шанс укрыться от преследования силовиков. В ее отношении возбуждено уголовное дело за якобы избиение начальника МОБ Центрального района Тулы.

P.P.S. Кстати, предпринималось ли что-нибудь следствием, чтобы оградить корреспондента «Новой газеты» от угроз, нам тоже неизвестно. Хотелось бы получить внятные разъяснения на этот счет.

Ростислав Богушевский, «Новая газета»
26.05.2008